Урок 3.
Текст 1

(1)Дом рассохся от старости, а может быть, и от того, что он стоял на поляне в сосновом лесу и от сосен всё лето тянуло жаром.

(2)Чайковскому нравился этот деревянный дом. (3)Единственное, что раздражало композитора, – это скрипучие половицы. (4)Чтобы пройти от двери к роялю, надо было переступить через пять шатких половиц. (5)Со стороны это выглядело, должно быть, забавно, когда пожилой композитор пробирался к роялю, рассматривал половицы прищуренными глазами.

(6)Если удавалось пройти так, чтобы ни одна из них не скрипнула, Чайковский садился за рояль и усмехался. (7)Неприятное осталось позади, а сейчас начнётся удивительное и весёлое: рассохшийся дом запоёт от первых же звуков рояля. (8)На любую клавишу отзовутся тончайшим резонансом сухие стропила, и двери, и старушка люстра, потерявшая половину своих хрусталей, похожих на дубовые листья.

(9)Самая простая музыкальная тема разыгрывалась этим домом, как симфония.

(10)С некоторых пор Чайковскому начало казаться, что дом уже с утра ждёт, когда композитор, напившись кофе, сядет за рояль. (11)Дом скучал без звуков.

(12)Иногда ночью, просыпаясь, Чайковский слышал, как, потрескивая, пропоёт то одна, то другая половица, как бы вспомнив его дневную музыку и выхватив из неё любимую ноту. (13)Ещё это напоминало оркестр перед увертюрой, когда оркестранты настраивают инструменты. (14)То тут, то там – то на чердаке, то в маленьком зале, то в застеклённой прихожей – кто-то трогал струну. (15)Чайковский сквозь сон улавливал мелодию, но, проснувшись утром, забывал её. (16)Он напрягал память и вздыхал: как жаль, что ночное треньканье деревянного дома нельзя сейчас проиграть! (17)Прислушиваясь к ночным звукам, он часто думал, что вот проходит жизнь, а ничего ещё толком не сделано. (18)Ещё ни разу ему не удалось передать тот лёгкий восторг, что возникает от зрелища радуги, от ауканья крестьянских девушек в чаще, от самых простых явлений окружающей жизни.

(19)Чем проще было то, что он видел, тем труднее оно ложилось на музыку. (20)Как передать хотя бы вчерашний случай, когда он укрылся от проливного дождя в избе у объездчика Тихона! (21)В избу вбежала Феня – дочь Тихона, девочка лет пятнадцати. (22)С её волос стекали капли дождя. (23)Две капли повисли на кончиках маленьких ушей. (24)Когда из-за тучи ударило солнце, капли в ушах у Фени заблестели, как алмазные серьги.

(25)Но Феня стряхнула капли, всё кончилось, и он понял, что никакой музыкой не сможет передать прелесть этих мимолётных капель.

(26)Нет, очевидно, это ему не дано. (27)Он никогда не ждал вдохновения. (28)Он работал, работал, как подёнщик, как вол, и вдохновение рождалось в работе.

(29)Пожалуй, больше всего ему помогали леса, просеки, заросли, заброшенные дороги, этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты. (30)Он не променяет эти туманные зори ни на какие великолепные позлащённые закаты Италии. (31)Он без остатка отдал своё сердце России – её лесам и деревушкам, околицам, тропинкам и песням. (32)Но с каждым днём его всё больше мучает невозможность выразить всю поэзию своей страны. (33)Он должен добиться этого. (34)Нужно только не щадить себя.

(По К.Г. Паустовскому) *

**Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – русский советский писатель, классик отечественной литературы.*

Текст 2

(1)Для меня музыка — это всё. (2)Я люблю джаз, как дядя Женя. (3)Что дядя Женя творил на концерте в Доме культуры! (4)Он свистел, кричал, аплодировал! (5)А музыкант всё дул напропалую в свой саксофон!..

(6)Там всё про меня, в этой музыке. (7)То есть про меня и про мою собаку. (8)У меня такса, зовут Кит...

– (9)Представляешь? — рассказывал дядя Женя. — (10)Он эту музыку прямо на ходу сочиняет.

(11)Вот это по мне. (12)Самое интересное, когда играешь и не знаешь, что будет дальше. (13)Мы с Китом тоже: я бренчу на гитаре и пою, он лает и подвывает. (14)Конечно, без слов — зачем нам с Китом слова?

– (15)Андрюха, решено! — вскричал дядя Женя. — (16)Учись джазу! (17)Здесь, в Доме культуры, есть такая студия.

(18)Джаз, конечно, это здорово, но вот загвоздка: я не могу петь один. (19)Только с Китом. (20)Для Кита пение — всё, поэтому я взял его с собой на прослушивание.

(21)Кит, съев варёную колбасу из холодильника, шагал в чудесном настроении. (22)Сколько песен в нас с ним бушевало, сколько надежд!

(23)Но моя радость улетучилась, когда оказалось, что с собаками в Дом культуры нельзя.

(24)В комнату для прослушивания я вошёл без Кита, взял гитару, но не мог начать, хоть ты тресни!..

– (25)Ты не подходишь, — сказали мне. — (26)Слуха нет. (27)Кит чуть не умер от радости, когда я вышел.

(28)«Ну?!! (29)Джаз? (30)Да?!!» — всем своим видом говорил он, и хвост его отбивал ритм по тротуару. (31)Дома я позвонил дяде Жене.

– (32)У меня нет слуха, — говорю. — (33)Я не подхожу.

– (34)Слух — ничто, — сказал дядя Женя с презрением. — (35)Подумаешь, ты не можешь повторить чужую мелодию. (36)Ты поёшь, как никто никогда до тебя не пел. (37)Это и есть джаз! (38)Джаз не музыка; джаз — это состояние души.

(39)Положив трубку, я извлёк из гитары квакающий звук. (40)Взвыл Кит. (41)На этом фоне я изобразил тиканье часов и крики чаек, а Кит — гудок паровоза и гудок парохода. (42)Он знал, как поднять мой ослабевший дух. (43)А я вспомнил, до чего был жуткий мороз, когда мы с Китом выбрали друг друга на Птичьем рынке...

(44)И песня пошла...

(По М. Москвиной) *

* *Москвина Марина Львовна (род. в 1954 г.) — современная писательница, журналистка, радиоведущая. За книгу «Моя собака любит джаз» была награждена Международным дипломом Г.-Х. Андерсена.*

Текст 3

(1)Жил в городе Верном художник, Николай Гаврилович Хлудов. (2)Судьба послала ему при редком долголетии ещё и завидную плодовитость. (3)Добрая сотня картин и этюдов до сих пор хранится в запасниках Центрального музея. (4)Картинная галерея взять их отказалась. (5)«Что за художник? – сказали искусствоведы. – (6)Ни стиля, ни цвета, ни настроения. (7)Просто бродил человек по степи, да и заносил в свой альбом всё, что ему попадалось на глаза».

(8)Однажды мне предложили написать о нём небольшую популярную статейку для журнала. (9)Я ухватился за это предложение, перерыл все музейные архивы, собрал целую папку фотографий, а потом написал с великим трудом с десяток мучительно вялых страниц и бросил всё. (10)Ничего не получилось. (11)Не нашлось ни слов, ни образов.

(12)В редакции меня отругали, а статью через год написал другой, уже «настоящий» искусствовед. (13)Вот что он написал о мастерстве художника.

(14)«Единственное влияние, которое испытал Хлудов, – это влияние верещагинского натурализма. (15)Хлудов достигал временами значительных результатов, соединяя скупую, выдержанную гамму с чётким рисунком».

(16)Вот и всё. (17)Десяток раскрашенных фотографий, этнографические документы. (18)Этим исчерпана жизнь художника.

(19)Я не хочу осуждать этого искусствоведа, он, вероятно, в чём-то прав, но прав и я, когда говорю, что он ничегошеньки не понял в Хлудове. (20)И та моя давняя статья об этом художнике не удалась мне, конечно, только потому, что я тоже пытался что-то анализировать и обобщать, а о Хлудове надо разговаривать. (21)И начинать статью о нём надо со слов «я люблю». (22)Это очень точные слова, и они сразу ставят всё на своё место.

(23)Так вот – я люблю…

(24)Я люблю Хлудова за свежесть, за радость, за полноту жизни, за красоту событий, которые он увидел и перенёс на холст.

(25)Я люблю его за солнце, которое так и бьёт на меня со всех его картин. (26)Или яснее и проще: я люблю и понимаю его так, как дети любят и понимают чудесные поздравительные открытки, блестящие переводные картинки, детские книги с яркими лакированными обложками. (27)Всё в них чудесно, всё горит: и солнце над морем, и наливные яблочки на серебряном блюдечке, и тёмные леса, и голубейшее небо, и луга нежно-лягушачьего цвета, и роскошные лилии в синем, как небо, пруду.

(28)Хлудов не боялся рисовать такими ясными красками. (29)Именно красками, а не тонами – тонов у него нет, как и нет у него иных настроений, кроме радости и любования жизнью. (30)Он заставлял луга пестреть цветами, коней подыматься на дыбы, мужчин гордо подбочениваться, красавиц распускать волосы. (31)Он не признавал ненастье и серое небо. (32)Всё, что он видел, он видел либо при свете солнца, либо при полной луне. (33)Но тут ему уже не было соперников. (34)Ведь он рисовал не только степи и горы, но и ту степень изумления и восторга, которые ощущает каждый, кто первый раз попадает в этот необычайный мир. (35)И именно поэтому каждое его полотно ликует и смеётся от радости. (36)Он жил только настоящим, интересовался только сегодняшним, проходящим, живым.

(По Ю.О. Домбровскому) *

* *Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – русский советский поэт, прозаик, литературный критик. Вершиной творчества писателя стал роман «Факультет ненужных вещей», который он создавал более 10 лет.*